

Я пила кофе, стоя у распахнутого настежь окна. После надоедливых затяжных дождей второй день светило солнце — в город пришла настоящая весна. Прохожие на улице беспричинно улыбались, а в еще не успевших высохнуть лужах купались воробьи.

Тюлевая занавеска надувалась пузырем, я шурилась на солнце и ощущала себя абсолютно счастливой. Такое чувство, точно за спиной выросли крылья. Казалось, влезь на подоконник, зажмурься, закричи погромче и непременно полетишь...

«Запросто», — усмехнулась я, напомнив себе, что у нас третий этаж, а летать можно по-разному. Но ощущение счастья не проходило, несмотря на всю мою самоиронию. И дело не только в том, что за окном весна, а...

Зазвонил телефон, я торопливо схватила трубку, поставив чашку на подоконник, и широко улыбнулась, услышав голос мужа.

— Это я, дорогая, — сказал он.

Мы расстались рано утром, так что сердцу вроде бы незачем было скакать галопом и замирать. Совершенно лишние волнения, но сердце, однако, летело галопом и замирало. В общем, выходило, что я бе-

зумно люблю своего мужа, как оно и было в действительности. Это я не без удивления смогла констатировать несколько месяцев назад, правда, тогда он еще не приходился мне мужем и некоторая романтичность была вполне уместна. Однако прошел почти год после нашей встречи и скоропостижного бракосочетания, а романтизм почему-то не убрался во свояси. Напротив, я смогла убедиться, что сейчас люблю мужа больше, чем в день нашей свадьбы. Если учесть, что любовная лихорадка долго и упорно обходила мою персону стороной, не приходится удивляться, что меня так занимают собственные чувства.

— Я тебя люблю, — улыбаясь, сказала я.

— Здорово, — совершенно серьезно ответил Глеб. — Есть еще новости?

— Нет. Я собираюсь немного прогуляться. Буду думать о тебе и читать стихи, мысленно, конечно, чтоб не удивлять прохожих.

— Почему бы тебе не почитать их мне?

— По телефону?

— Нет, я жажду личной встречи.

— Ты приедешь только завтра, а выйти на прогулку я собираюсь через полчаса. Обойдешься без стихов, мой дорогой.

— Знаешь, оказалось, рыбалка вовсе не такое увлекательное занятие, — со смешком сказал он. — Я скучаю без тебя, детка. Если честно, я уже забросил свои пожитки в машину и собираюсь отчаливать. Как ты на это смотришь?

— Я в восторге, — искренне ответила я. — По моему, рыбалка — довольно глупое времяпрепровождение.

— Почему же ты молчала об этом раньше?

— Не хотела, чтобы ты решил, будто я пытаюсь удержать тебя возле своего подола.

— А ты пытаешься?

— Конечно. Но, как женщина умная, стараюсь, чтоб это не бросалось в глаза.

— Могу тебя поздравить, задуманное тебе удается мастерски. Я думал, ты рада-радешенька избавиться от меня на сутки. В общем, через пару часов буду дома.

— Я тебя жду.

— Надеюсь, любовника в шкафу я не обнаружу.

— Конечно, нет, ты ведь такой милый и заранее предупреждаешь о своем возвращении.

— Береженого бог бережет, — засмеялся Глеб. — Ладно, детка, я услышал твой голос, и на душе стало легче, а домой захотелось со страшной силой. Целую.

— Эй, ты не сказал самого главного, — нахмурилась я.

— А что у нас самое главное? — с притворным удивлением спросил Глеб.

— Напрягись, — сурово посоветовала я.

— Совершенно ничего не приходит в голову...

— Глеб, я тебя убью...

— Дорогая, торопиться с этим не стоит, вдруг я тот самый единственный...

— Ты тот самый, но я убью тебя, если ты сию минуту не скажешь, что любишь меня.

— Ах, вот в чем дело... — Мы засмеялись, а потом он сказал: — Я люблю тебя. — И это прозвучало как-то странно, чересчур серьезно, что ли, и валять дурака сразу расхотелось.

— Я тебя жду, — тихо сказала я, испытывая нечто вроде беспокойства.

— Целую, — ответил он, помедлил и добавил: — Детка, я счастлив, как последний идиот. — И отключился.

Я положила трубку и вновь выглянула на улицу, но теперь происходящее там меня совершенно не занимало. Через пять минут я закрыла окно, задернула занавеску и, напевая что-то под нос, прошла на кухню. Однако очень скоро петь мне расхотелось. Я то и дело поглядывала на часы. Странно, ощущение счастья уступило место беспокойству. Что это со мной?

Я прошла по огромной квартире, пытаюсь уяснить неожиданно происшедшую перемену в настроении. Никаких причин. Совершенно. Птицы поют, солнце светит, мой муж возвращается ко мне... Я потянулась к телефону, ругая себя за глупость: надоедливая жена наскучит очень быстро. Глеб ответил не сразу, и на смену беспокойству вдруг пришел страх.

— Глеб! — едва не заорала я, услышав его голос.

— На повороте телефон улетел под сиденье, еле смог его достать, тормозить не хотелось.

— Ты меня напугал.

— Что? — не понял он.

— Не знаю, — честно ответила я. — По-моему, я спятила, два часа кажутся мне вечностью.

— Я постараюсь их сократить.

— Ну уж нет, меня всегда в дрожь бросает от твоего лихачества.

— Чепуха, дорога совершенно пустая. Лучше скажи, чем ты занята.

— Ничем. Ради бога, не гони как сумасшедший.

— Ясно, не можешь выпроводить любовника. Он что, в твоей шубе запутался и теперь ты тянешь время?

— В случае чего выброшу его в окно вместе с шубой, так что не беспокойся.

— Это разумно. Иногда я в самом деле верю, что ты меня любишь.

— Что за дурацкое «иногда»?

— Ну...

— Когда вернешься, поговорим на эту тему.

— Почему не сейчас? Мне так приятно слышать твой голос.

— Потому что ты летишь как угорелый, управляя машиной одной рукой. Пока.

— Как только доберусь до Ярцева, позвоню. Идет? Ты успеешь выбросить любовника и расстелить ковровую дорожку у подъезда...

— А еще заказать военный оркестр, — поддакнула я и отключилась.

На душе стало спокойнее, еще немного побродив по квартире, я решила удивить мужа и испечь торт. Достала поваренную книгу и углубилась в изучение рецептов. Вскоре стало ясно: торт мне не по силам — и я остановилась на печенье по-домашнему. Кулинария никогда не была моим хобби, и времени я потратила предостаточно. Когда наконец печенье оказалось в духовке, я перевела взгляд на часы, а потом на телефон. Глебу уже давно было пора позвонить.

Я почувствовала что-то вроде укола в сердце и схватила трубку. Глеб не ответил. «Ну и что? — пробовала я рассуждать здраво. — Он мог его выключить или забыл подзарядить, и батарейки сели...» Но беспокойство не проходило, напротив, усиливалось с каждой минутой. Я замерла возле окна, ожидая, когда во дворе появится темно-зеленый «Шевроле» мужа. То и дело набирала номер телефона, с каждым ра-

зом испытывая все большее отчаяние. И вдруг заревела. Не помню, когда я плакала в последний раз. Я и в детстве не злоупотребляла этим. Слезы катились по щекам, а я, вцепившись в трубку, шептала: «Господи, ну пожалуйста...» — ожидая в любой момент увидеть машину Глеба и выругать себя за дурацкую истерику.

Зуммер плиты заставил меня вздрогнуть. Я испуганно оглянулась, успев к тому времени забыть о печенье. Выключила духовку и вновь уставилась в окно. Со страхом перевела взгляд на часы. Три часа двадцать минут. Еще один звонок остался без ответа. Он мог заехать в магазин за цветами... «Глеб, немедленно, слышишь, немедленно ответь мне». — «Телефон отключен или находится в зоне недосягаемости», — в который раз повторил оператор. «Я убью его, я убью его... только бы он вернулся». Четыре часа. Что с ним могло случиться? Может, машина сломалась или какая-то непредвиденная задержка и он не позвонил?

Ждать у окна больше не было сил. Я с трудом отыскала ключи от машины, в досаде вытряхнув содержимое сумки на пол, и бросилась к своему «Фольксвагену», стоявшему во дворе. Проверила, включен ли мой телефон. Когда мы встретимся, я буду чувствовать себя идиоткой. Ну и пусть, лишь бы встретиться.

На первом же светофоре я пролетела на красный, на счастье, бдительных граждан в форме поблизости не оказалось. «Так нельзя», — попыталась я себя урезонить и поехала медленнее.

Город остался позади. Вот и указатель на Ярцево. Я свернула с автострады, здесь дорога была узкой, в жутких колдобинах. Как обычно, по весне заниматься ремонтом никто не спешил. Вот колокольня яр-

цевской церкви, поворот... Ни одной машины не попало навстречу. А если у Глеба сломался телефон? Разве такого не бывает? Может, он уже дома? Я набрала номер квартиры. Автоответчик моим голосом сообщил, что никого нет дома.

— Глеб, позвони мне, — попросила я и отключилась.

И вот тогда увидела машину «Скорой помощи», она, стремительно сокращая расстояние, неслась мне навстречу, мы поравнялись на выезде из Ярцева. Наверное, уже в ту самую минуту я и поняла, что произошло, прижалась к обочине, пытаюсь справиться с дыханием, потом заставила себя ехать дальше. За Ярцевом начинались места малообжитые — на ближайšie семьдесят километров ни одного населенного пункта вдоль дороги. Лес сплошной стеной, ближе к озеру луга. Еще один поворот. Впереди на дороге, возле обочины, стояли красные «Жигули», мужчина и женщина испуганно жались к своей машине. Я резко затормозила.

Сначала я мало что поняла. Кроме красных «Жигулей», на дороге больше не было никакого транспорта, потом внимание мое привлек указатель «Опасный поворот», опрокинутый на асфальт, а метрах в сорока от дороги в поле догорало то, что недавно было машиной. Искореженная груда железа, только номер, как будто в насмешку, выглядел вполне различимым: 320. Рядом стоял милицейский «газик», и несколько мужчин топтались по соседству. У меня хватило сил выйти из машины.

— Где он? — пролепетала я, но никто не обращал на меня внимания, женщина продолжала испуганно жаться к «Жигулям», а мужчину позвал милиционер,

и они вдвоем устремились к дымящемуся остову машины.

— Я его вытащить не мог, — вроде бы сказал он.

Не помню, когда пошел дождь, в ту самую минуту, когда я это услышала, или гораздо раньше, я ничего не замечала вокруг. Я бежала к «Шевроле», увязая в земле, и дождь хлестал по лицу, я потеряла туфлю и заплакала, а потом увидела милиционера, он поддерживал меня под локти, без конца повторяя:

— Успокойтесь...

Я ответила:

— Там мой муж...

— Там никого нет, — ответил милиционер. Мне показалось, он бредит.

— Там мой муж! — заорала я, надеясь, что упаду в обморок и это все как-нибудь прекратится.

— Его увезли. Здесь никого нет. Успокойтесь. Володя, вызови «Скорую», женщине плохо.

— Он жив? — пробормотала я, цепляясь за чью-то руку и не слыша ответа. — Жив, — твердила я себе, а вокруг молчали. — Где он? Куда его увезли? Да что вы молчите? Помогите же мне... где он?

Следующие несколько часов я помнила крайне смутно, постоянно балансируя на грани сознания. Должно быть, это и спасло меня от сумасшествия, в противном случае пережить то время было бы мне не под силу. Первое отчетливое воспоминание: я сижу в коридоре больницы, вокруг какие-то люди, им нет до меня дела, и слава богу. Я забилась в угол, кутаюсь в кофту, пытаюсь согреться. Нелепая оранжевая кофта, откуда она взялась? Меня бьет озноб, я стискиваю зубы, таращась на дверь прямо напротив. Вдруг она открывается, высокий мужчина в белом выходит мне

навстречу, сосредоточенно хмуря лоб и избегая моего взгляда.

— Это вы Шабалина? — спросил он строго, я не могла ответить и молча кивнула, поднявшись. Он сунул руки в карманы халата и протянул: — Да-а-а... — Я ждала, секунды начали свой отсчет, время сделалось физически ощутимым, давило на плечи, заставляя подгибаться колени. Мужчина шагнул ко мне, подхватил под руки. — Сядьте. Вам плохо?

— Где он? — прошептала я, пытаюсь поймать его взгляд. Он упорно отводил глаза, нелепо пожал плечами. Нелепо, потому что на мой вопрос должен быть ответ, а не это пожатие плеч... — Где он? — задыхаясь, спросила я, голова кружилась, подступала тошнота, я боялась, что меня вырвет прямо здесь, в этом сером унылом коридоре, пропитанном запахом лекарств и безнадежностью. — Послушайте, — я схватила его за руку, стиснула ее, должно быть, причиняя ему боль, потому что он недовольно поморщился, — у нас есть деньги... Все что угодно... Только ради бога...

— Вам не сказали? — кашлянув, спросил он и попытался вырвать руку, я уцепилась за нее, как за последнюю надежду.

— Простите меня, — горячо зашептала я, — простите... Я сама не знаю, что говорю... я люблю его... мы женаты одиннадцать месяцев, да поймите вы...

— Я понимаю... — Врач усадил меня на стул и сам сел рядом, он легонько похлопал меня по плечу. — Как вас зовут?

— Полина, — помедлив, ответила я.

— Вот что, Полина... У него не было шансов. Никаких. С такими ожогами невозможно выжить.

Я смотрела куда-то в угол, больше ничего не слыша. Он коснулся моего плеча.

— У вас есть родственники? Я позвоню из ординаторской. Вызвать вам такси?

— Что? — повернулась я к нему.

— Вам сейчас лучше побыть с кем-то из родных.

— У меня нет родных.

— Друзья...

— Мне никто не нужен, — захлебываясь от сдерживаемых рыданий, начала я. Он пожал плечами и поднялся. Я схватила его за руку. — Мне можно его увидеть?

— Нет. Давайте я вас провожу.

Я вскочила и, зажимая рот рукой, бросилась куда-то по коридору. Мне хотелось кричать во все горло. Увидев табличку на двери, я влетела в дамскую комнату, меня долго рвало, я стояла, согнувшись в тесной кабинке, и думала только об одном: я не хочу жить.

— Вам плохо? — испуганно спросили рядом, я повернулась и увидела в дверях полную даму в нелепой цветастой блузке.

— Извините, — спокойно ответила я, испытывая желание ее убить, ударить чем-нибудь тяжелым... Я спятила. — Извините, — повторила я и прошла к раковине. Торопливо умылась холодной водой. Из зеркала на меня смотрело бледное лицо Арлекина с темными подтеками туши под глазами, страдальческим ртом. — Это несправедливо, — пролепетала я и залилась слезами, прекрасно сознавая всю нелепость моего упрека господе.

Сумка висела у меня на руке и билась по ногам. Откуда она взялась? Впрочем, неважно. Я достала

носовой платок, вытерла лицо. На смену рыданиям пришла опустошенность, хотелось забиться в угол, а еще хотелось уснуть. Я вытащила сотовый и набрала номер. Такси я ждала у ворот больницы, машина прибыла минут через пять, а еще через двадцать я вошла в свою квартиру, протопала в спальню и рухнула на кровать, открыла тумбочку, нащупала флакон со снотворным и выпила три таблетки.

«Сейчас все пройдет, — тарашась в потолок, думала я, неизвестно на что надеясь. — Я усну, и все пройдет».

Солнце било в лицо, я повернулась на бок, уходя от его лучей, зажмурилась покрепче и подумала: «Это ночной кошмар, страшный сон и ничего больше. Глеб уехал на рыбалку и как раз сегодня вернется».

Но открыть глаза все равно пришлось. Его халат, небрежно брошенный на спинку кресла, книга рядом с настольной лампой. Я беззвучно заплакала, уткнувшись в подушку. Потом заставила себя подняться, выпила кофе, глядя в окно. Сквозь частые облака пробивалось солнце, играя на боках вазы на подоконнике, а мне опять захотелось плакать. Я безнадежно покачала головой, прикрыв глаза, и некоторое время сидела так, без чувств, без мыслей. Потом приняла душ, оделась и покинула квартиру.

Моя машина стояла во дворе, понятия не имею, кто ее сюда перегнал, но ключи обнаружили в моей сумке. Сесть за руль не было сил, я вызвала такси. Водитель попробовал завести со мной разговор, но вскоре умолк. Остановился возле корпуса, я поднялась на второй этаж и вошла в отделение. Слева за

столом сидела медсестра и, позевывая, листала журнал.

— Вы куда? — спросила она резко.

— Я... мой муж... его вчера привезли, — испуганно ответила я.

— Фамилия?

— Шабалин... Глеб Сергеевич...

— Так он в морге, — заглянув в журнал, сказала медсестра. — Если вам за свидетельством о смерти, то к Петру Васильевичу. Прямо по коридору последняя дверь.

Меня обдало холодом от этих слов, я съежилась и бросилась по коридору в указанном направлении. Дверь была прикрыта неплотно, а комната оказалась пустой. Я вернулась в коридор и огляделась, прошла немного вперед и увидела мужчину. Вряд ли я смогла бы узнать его, но он назвал меня Полиной, и я поняла — это тот человек, с которым я разговаривала вчера. Он торопливо шагнул навстречу и взял меня за руку.

— Как вы себя чувствуете?

— Что? — не поняла я. — Извините. Хорошо. То есть, я хотела сказать...

— Давайте пройдем в кабинет. — Меня раздражал его голос и его рука на моем локте. — Послушайте, не стоит вам его видеть. Попросите кого-нибудь из друзей. Бумаги готовы, закажите... все необходимое...

— Да вы спятили! — рывкнула я, выдернув локоть, и побежала по коридору.

Здание морга, низкое, с закрашенными белой краской окнами, притулилось в глубине двора. Дверь была открыта, и я вошла. В комнате, выложенной голубой плиткой, толстая тетка мыла руки, стоя возле

раковины ко мне спиной, и говорила кому-то, повернувшись к распахнутой настежь двери в соседнее помещение:

— Чего там обмывать, одна головешка...

Услышав, как хлопнула дверь, она повернулась и выжидательно уставилась на меня.

— Мой муж... — собравшись с силами, выдохнула я. — Вчера привезли...

— После аварии? — сморщив лицо, спросила тетка. — Вон там на стене преискурант...

— Можно мне его увидеть?

Она растерянно моргнула, потом подошла поближе, молча глядя мне в лицо, и вдруг сказала:

— Ты вот что, милая, ты сядь... вот сюда на стул...

— Не беспокойтесь, я хорошо себя чувствую.

— Не похоже. Не надо тебе на него смотреть. Таких в закрытом гробу хоронят. Мы все сделаем...

— Я хочу его видеть, — зло повторила я.

Тетка попятилась.

— Ну... Идем...

В дверях мы едва не столкнулись с пожилой женщиной в грязном халате, она посмотрела на меня без одобрения и перевела взгляд на коллегу.

— Это его жена, — торопливо пояснила моя провожатая.

Я сделала еще шаг и увидела каталку, а вслед за этим... «Это неправда», — пронеслось у меня в голове, и я начала медленно оседать на пол.

Резкий запах нашатыря привел меня в чувство, я привалилась к стене, а взгляд мой искал каталку и то, что на ней.

— Все в порядке, — хрипло сказала я. — Не беспокойтесь. — И заставила себя подойти.

При виде того, что представлял собой труп, мутился рассудок. Я не должна была приходить сюда. Глеб остался бы в моей памяти красивым сильным мужчиной, а теперь, думая о нем, я буду видеть лишь то, что вижу сейчас. Я никогда не смогу избавиться от этого.

Я заплакала в бессилии, кусая губы, и вдруг поймала себя на мысли, что отказываюсь верить в то, что до жути обгорелый труп передо мной — это Глеб. Все во мне протестовало, точно это злая шутка, которая ни при каких обстоятельствах не может быть правдой.

— Это не он! — решила я, не сразу сообразив, что кричу, а потом наступило спасительное беспмятство.

Когда я пришла в себя, за окном шел дождь. Я лежала на кушетке, надо мной склонился врач и монотонно что-то говорил. Я не очень-то слушала, боязливо косилась за его спину, где угадывалась дверь, и мысленно повторяла: «Это не Глеб. Я же знаю, это не он».

Мысль эта помогла мне собраться с силами. Я сделалась очень спокойной и даже договорилась с женщинами обо всем необходимом. «Это не имеет никакого отношения к Глебу», — думала я при этом и поторопилась уйти. Я почти смогла убедить себя в том, что так оно и есть на самом деле, но, вернувшись домой и собирая его вещи, я вновь почувствовала страшную тоску и отчаяние, и никакие спасительные мысли мне уже не помогали. Я каталась по полу и вы-

ла, отбрасывала прочь костюм, и зарывалась в него лицом, и вновь отбрасывала и, как в бреду, твердила:

— Господи, господи... — не зная, что просить у бога.

Телефонный звонок прозвучал в осиротевшей квартире как набат. Я бросилась к телефону с нелепой мыслью, что труп в морге в самом деле кто-то другой, что все как-нибудь разъяснится и Глеб, живой и невредимый, вдруг скажет: «Как дела, дорогая?»

— Полина... — Голос звучал испуганно. — Это Володя. Можно, мы приедем?

— Да, — ответила я разочарованно и бросила трубку, жалея, что согласилась, мне никто не был нужен, никто, никто...

Они приехали очень быстро, должно быть, звонили уже по дороге. Я пошла открывать и увидела Володю с женой, ее звали Светлана. Владимир Сергеевич Калганов был нашим адвокатом, его рекомендовал нам один мой знакомый. Володя оказался не только хорошим адвокатом, но и приятным человеком, и мы очень скоро подружились. Светлана, с красными от слез глазами, молча обняла меня и всхлипнула. Мне же это безмолвное выражение соболезнования было неприятно и даже тягостно. Впрочем, неизвестно, как бы я вела себя в подобной ситуации.

Я попыталась взять себя в руки, боясь, что позволю себе что-нибудь резкое и совершенно несправедливое в адрес моих друзей.

— Даже не знаю, что сказать, — пробормотал Володя. — Это... это как гром среди ясного неба. Я узнал полчаса назад. Почему ты не позвонила?

— Прости, — покачала я головой, — я плохо соображаю, что нужно делать. Вот собрала вещи, — кивнула я на кресло и зарыдала. Светлана бросилась ко мне, а Володя с потерянным видом пялился на костюм моего мужа.

Через какое-то время я понемногу успокоилась, Света заварила чай, и мы устроились в гостиной.

— Все, что связано с похоронами, — хмуро начал Володя, — я беру на себя. И не спорь. Так будет лучше. Экспертизу провели... можно забрать тело... Прости, что я говорю все это... — Он закрыл глаза ладонью, точно желая избавиться от наваждения. — Ты знаешь, что Глеб завещал себя кремировать?

— Что? — нахмурилась я.

— Он хотел, чтобы его кремировали. Такова его воля, выраженная в завещании, которое хранится у меня.

— Но почему? — пробормотала я, сама толком не зная, кому адресован этот вопрос.

— Я тебя понимаю, — кивнул Володя. — Решать, конечно, тебе. Но его волю я обязан...

— Если Глеб хотел этого... — растерялась я, закрыла лицо руками и беззвучно зарыдала.

— Тебе лучше пожить у нас, — обнимая меня, сказала Светлана.

— Нет, — резко ответила я. — Нет. Я хочу побыть одна. Извините. Обо мне не беспокойтесь, все в порядке... Только надо свыкнуться с мыслью...

Света заплакала, в глазах ее мужа тоже стояли слезы. Я торопливо отвернулась.

Они ушли уже за полночь, так и не уговорив меня поехать к ним. На предложение остаться у меня я тоже ответила отказом. Мне хотелось побыть одной,

отдаться своему горю, выть и кричать, не сдерживая себя. Иначе можно лишиться разума.

Где-то около двух, когда я сидела на полу, раскачиваясь из стороны в сторону и тоненько поскуливая, зазвонил телефон.

— Ты не спишь? — виновато спросил Володя.

— Нет.

— Я вот что хотел... надо сообщить родственникам. Этим может заняться Светлана. Она придет утром. Хорошо?

— Да-да, спасибо, — поспешно ответила я и бросила трубку.

Потом поднялась и прошла в комнату Глеба. «Родственники, — крутилось в голове, — родственники...» Насколько мне известно, родственников у него не было. Мать умерла шесть лет назад, другой родни просто не наблюдалось, если не считать отчима, с которым Глеб, кажется, поддерживал отношения. Я должна ему сообщить. Он живет в Екатеринбурге. Где-то в бумагах Глеба наверняка должен быть адрес. Я села за стол, выдвинула верхний ящик и достала записную книжку, судя по записям, муж начал ее всего месяц назад. Другой в столе не оказалось. Счета, кипа ненужных бумаг: гарантия на телевизор и прочая чушь, страховки, потрепанный фантастический роман и пособие начинающему рыболову. Никаких личных записей или просто клочка бумаги с телефонным номером. Не помню, чтобы Глеб получал письма или кому-то звонил, я имею в виду своих личных знакомых. Только отчиму. Но и с ним при мне не разговаривал, просто сообщал: «Пойду позвоню отчиму». Навестить же отчима никогда не пред-

лагал, да мне бы и в голову не пришло ехать в Екатеринбург..

Я еще немного порылась в бумагах. Ничего существенного. Что-то вроде беспокойства закралось мне в душу: должно же было хоть что-то остаться. Впрочем, если заглянуть в мой стол, вряд ли там обнаружится что-то интересное. Никаких писем и открыток, потому что родственников у меня тоже нет. А телефоны и адреса общих знакомых в электронной книжке в прихожей.

Я потерянно оглядела комнату. Наша свадебная фотография на тумбочке. Ее сделали, когда мы выходили из загса, обычный любительский снимок. Я уткнула нос в букет цветов так, что лица почти не видно, Глеб в этот момент повернул голову ко мне, и на фото его лицо неузнаваемо. Часть щеки и затылок. Это единственная фотография. Я терпеть не могу фотографироваться, и Глеб, по-моему, этого тоже не любил. Отправляясь в загс, ни о видеокамере, ни о фотографиях он не позаботился. Володя, узнав об этом, расстроился и поймал какого-то самодельного фотографа. Теперь фотография — это все, что осталось у меня на память.

Мы познакомились год назад в Египте. Я приехала туда одна. Врачи настойчиво рекомендовали мне покой и смену впечатлений, сочетание, на мой взгляд, несколько неожиданное, но спорить я не стала. Наткнулась на объявление в газете «Отдых в Египте» и позвонила в турфирму. Оформлять визу не требовалось, загранпаспорт у меня был, в ближайшую субботу я вылетела в Хургаду и через несколько

часов оказалась в отеле «Аладдин» с четырьмя звездочками на фасаде. Глаз радовали пальмы и экзотические цветы, так что с впечатлениями все было нормально. Отель представлял собой систему домиков, на два номера каждый, с симпатичной верандочкой, где было приятно посидеть вечером, глядя на небо с россыпью звезд.

Утром я отправилась на пляж, где и пробыла до двенадцати часов. После купания в море на меня напала лень, я сидела на веранде, разглядывала гирлянды цветов возле дома напротив и подумывала: не подремать ли немного?

Дорожка между домиками была вымощена плиткой, я услышала шаги и вскоре смогла лицезреть мужчину в шортах с полотенцем на плече, который поднялся на веранду двести сорок восьмого номера, как раз напротив меня, и устроился в кресле, бросив полотенце на ручку двери. Нас отделяло друг от друга метров пять, не более. Два человека сидят напротив и, разумеется, испытывают неловкость, в такой ситуации надо либо уйти, либо заговорить.

— Здравствуйте, — сказал он, чуть улыбнувшись, и я ответила:

— Здравствуйте.

Однако чувство неловкости не проходило, и, должно быть, по этой причине мужчина продолжил:

— Отличная погода.

«Дельное замечание, — подумала я, — если учесть, что в это время года здесь другой не бывает».

— Да, погода прекрасная, — без намека на иронию согласилась я.

— Давно приехали?

— Вчера.

— В самом деле? Каким рейсом?

— В 14.20 из Шереметьева.

— Подумать только, я тоже. Странно, что я не видел вас в самолете.

— Ничего странного, столько народу отправляется в это время в Египет. — В этом месте я решила, что выполнила долг вежливости, и, поднимаясь, сказала: — Приятного отдыха. — После чего скрылась в своем номере. Заводить знакомства я не стремилась, особенно с мужчинами. Надеюсь, мы с ним будем встречаться нечасто. Впрочем, номер у него двухместный, очень возможно, что отдыхает он не один и я беспокоюсь напрасно. Такому типу вряд ли придет в голову отдыхать в одиночестве. Либо крепкая мужская компания (подальше от дел и осточертевшего семейства), либо юная любовница: деньги потратишь небольшие, а пыль в глаза есть чем пустить.

Я размышляла об этом, стоя под душем, и вдруг поймала себя на мысли, что чересчур много думаю о соседе. Должно быть, он произвел на меня впечатление. Я пожала плечами, вышла из ванной, включила телевизор и завалилась спать.

Вечером, во время ужина, я вновь встретила с соседом. Не успела я занять столик на двоих возле окна, как появился он. В светлых брюках и бледно-салатовой трикотажной рубашке с коротким рукавом он выглядел сокрушительно, женщины откровенно глазели на него. Высокий, спортивный, с шикарным загаром, стильной стрижкой, мужественным лицом, которое так нравится дамам, да еще в дорогих тряпках. Большие деньги здесь присутствовали вполне зримо. Манеры указывали на то, что деньги для нас в

жизни не главное, мы относимся к ним философски, а вот себе цену знаем.

В общем, в другое время он меня бы, вне всякого сомнения, заинтересовал, но в тысячах километров отсюда был человек, которому я месяц назад дала твердое обещание и намеревалась сдержать его, оттого появление соседа не вызвало в моей душе ничего, кроме легкой досады.

— Простите, у вас свободно? — спросил он, и я кивнула.

По тому, как он смотрел на меня, стало ясно: моя неземная красота успела произвести на него впечатление, парень наверняка расстарался и теперь знал, что отдыхаю я в одиночестве, и, несомненно, рассчитывал на успех.

Я попыталась определить, сколько ему лет. Двадцать семь? Скорее всего больше. Возраст выдают глаза. Я бы дала лет тридцать пять. Лицо красивым не назовешь, но было в нем нечто... в общем, бальзам на женскую душу. Обручальное кольцо отсутствует, впрочем, это лишь показатель того, что человек не желает афишировать свое семейное положение. Загорелые руки с хорошо развитой мускулатурой наводили на мысль о первородном грехе, то есть настойчиво напоминали о том, что есть такая штука — секс и заниматься им с подобным типом одно удовольствие, по крайней мере, на удовольствие рассчитываешь.

Я перевела взгляд на его тарелку. Куски мяса и гора риса указывали на то, что организм у соседа здоровый и аппетит тоже. Мужики, подходящие к шведскому столу за листиком салата и долькой апельсина, всегда вызывали у меня настороженность.

Между тем, устроившись за столом и ласково поглядывая на меня, сосед предложил:

— Давайте познакомимся. Меня зовут Глеб. А вас?

— Полина, — ответила я.

— Очень приятно.

— Взаимно.

— Чем собираетесь заняться после ужина?

Я пожала плечами:

— Никаких планов. Возможно, прогуляюсь или посижу на берегу.

— Я прочитал объявление. Сегодня здесь что-то вроде концерта. Танец живота. Не интересуетесь?

— Можно взглянуть, — опять пожала я плечами.

К нам подошел официант.

— Что будете пить? — спросил меня Глеб.

— Чай, — ответила я.

— Отлично. Значит, я тоже чай.

С официантом Глеб объяснялся по-английски, языком, похоже, он владел в совершенстве. «Какая-нибудь столичная фирма, солидный пост», — решила я. Принесли чай. Несмотря на мое внутреннее сопротивление, Глебу удалось меня разговорить. Чаепитие закончилось, мы болтали, курили и провели вместе часа полтора, после чего я напомнила о танце живота, и мы отправились к пляжу, где было устроено что-то вроде эстрады: навес из тростника, скамейки и выложенный плиткой круг, где и должно было состояться представление.

Выступление танцовщицы особого впечатления на меня не произвело, я продолжала сидеть лишь из вежливости, Глеб откровенно скучал. Он наклонился ко мне и заговорщицки прошептал:

— Что, если нам смыться?